

Сяо Дуньэр мгновенно напрягся и жалобно спросил:

— Он действительно будет очень разочарован?

Увидев, как Сяо Дуньэр выглядит таким несчастным, Янь Сюй не смог продолжать.

— Тогда я всё равно пойду в школу, — сказал Сяо Дуньэр, начав есть сэндвич небольшими кусочками, а молоко выпил до последней капли.

Дань-Дань, вдохновлённый этим, тоже ускорился.

Обычно Дань-Дань ел очень аккуратно, даже чересчур, и часто получалось, что все уже закончили трапезу, а он всё ещё продолжал.

— Вечером мне нужно заняться кое-какими делами. Во сколько ты сможешь вернуться днём?
— спросил Цзин Цичэнь, зная, что Янь Сюй сегодня продолжит съёмки.

Янь Сюй особо не раздумывал, проглотив еду, он ответил:

— Во сколько вы уходите, господин Цзин? Я подстроюсь под ваше время, вам не нужно подстраиваться под меня.

Цзин Цичэнь ответил:

— Мне нужно быть там к пяти вечера, так что выйду около половины пятого. Если ты вернёшься до этого времени, всё будет в порядке.

— Хорошо, — кивнул Янь Сюй.

Надевая обувь в прихожей, Янь Сюй почувствовал, как Дань-Дань снова загрустил. Ему приходилось смотреть, как папа уходит из дома, и хотя это происходило каждый день, каждое утро Янь Сюй, глядя на взгляд Дань-Даня, чувствовал, будто переживает настоящую разлуку.

— Дань-Дань, будь хорошим мальчиком, слушайся дядю, понятно? — сказал Янь Сюй, обращаясь к Дань-Даню, а затем добавил, глядя на Сяо Дуньэра:

— Сяо Дуньэр, хорошо учишься и рисуй, понял?

Увидев, что оба ребёнка кивнули, Янь Сюй надел обувь и выпрямился. Он посмотрел на Цзин Цичэня, пока не произнёс:

— Тогда я пойду.

— Иди, — сказал Цзин Цичэнь.

Остальные слова Цзин Цичэнь не произнёс, но Янь Сюй знал, что он хотел сказать.

Янь Сюй совсем не беспокоился за Дань-Даня и Сяо Дуньэра, оставшихся с Цзин Цичэнем, потому что знал: хотя Цзин Цичэнь выглядел холодным, на самом деле он был очень добрым человеком.

Человек, который позволял чужим детям кататься на своей спине, не мог быть жестоким.

Цзин Цичэнь, который позволял своему сыну кататься на спине, даже не подозревал, о чём думал Янь Сюй.

В это утро А Юнь уже ждала на углу улицы. С какого-то момента она начала каждый день ждать Янь Сюя, и, хотя сама она этого не признавала, это стало самым радостным и ожидаемым событием её дня.

— Опять ждёшь? — хозяин парикмахерской протянул А Юнь сигарету, и они вместе сели на грязную землю, выпуская клубы дыма.

А Юнь кивнула, бесстрастно глядя вперёд на дорогу, по которой обычно шёл Янь Сюй.

Он приходил с фотоаппаратом, шагая легко и уверенно. Его не коснулась тленность мирской жизни, он был молод и смотрел на вещи без предрассудков.

Хозяин бросил окурочек и потушил его каблуком:

— Влюбилась?

А Юнь ничего не ответила, не кивнула и не покачала головой.

— Влюбилась, но толку нет, — насмешливо сказал хозяин, возможно, с ноткой жалости. — Даже если влюбилась, он тебя не заметит.

А Юнь бросила окурочек, выпустила последний клуб дыма и встала, чтобы ждать в стороне.

Ей не нравилось слушать такие слова от хозяина. Она всё это знала, всё понимала. Попадая в грязь, невозможно отмыться дочиста, как лотос, растущий из ила. Но когда это говорят другие, это звучит особенно горько.

Настолько горько, что А Юнь не могла усидеть на месте.

Янь Сюй опоздал. Сегодня на дорогах были пробки, и вместо часа дорога заняла почти два.

В автобусе кто-то уронил кошелёк, и все пассажиры ждали почти полчаса, пока вор не бросил кошелёк на пол, воспользовавшись суматохой. Когда приехала полиция, вор был задержан.

Но это задержало многих пассажиров. Если бы кошелёк потеряла не старушка, возможно, парни в автобусе сами бы бросились за воров.

— Опоздал, ты уже завтракал? — Янь Сюй подошёл к А Юнь, но резкий запах дешёвого табака заставил его закашляться.

А Юнь отступила на шаг, её лицо оставалось бесстрастным.

— Да, а ты? — спросила А Юнь.

Сейчас их общение напоминало дружеское. А Юнь нравилось это чувство. Янь Сюй не требовал от неё ничего физического, не смотрел на неё свысока и не считал её грязной. Для него она была просто обычным человеком, а не проституткой.

А Юнь вдруг сказала:

— Сегодня я не хочу принимать клиентов.

Янь Сюй повернулся к ней:

— Ты решила сменить профессию?

А Юнь, которая хотела сдержать свою тягу к курению, всё же не смогла устоять и достала из своей красной сумочки сигарету. Эти сигареты стоили восемь юаней за пачку, были очень дешёвыми, с резким запахом и сильным эффектом. Обычно их курили только заядлые курильщики.

— Не знаю, но сегодня клиентов не будет, — сказала А Юнь, глядя в небо. В её имени был иероглиф «облако», но облака были чистыми и белыми, а она сама больше походила на тёмные тучи перед грозой. — Возможно, позже я подумаю о смене профессии.

Она улыбнулась Янь Сюю и шагнула вперёд.

Со спины она выглядела как девушка лет семнадцати-восемнадцати, нарядившаяся в мамину одежду. Только если смотреть на неё в лицо, можно было заметить морщины и следы времени.

Когда А Юнь не выражала эмоций, её лицо казалось печальным, будто она плакала.

Но даже если А Юнь не принимала клиентов, Янь Сюй всё равно мог сделать снимки.

А Юнь привела Янь Сюя в своё «секретное место». Для её возраста это слово звучало слишком по-детски, поэтому она предпочитала называть его «то место».

«То место» находилось за переулком, на пустыре рядом с мусорной свалкой. Вокруг почти не было домов, а за горой располагалась свалка, от которой постоянно исходил гнилостный запах. Подойдя ближе, можно было увидеть лужи грязной воды, которые под палящим солнцем издавали отвратительный запах.

Рядом со свалкой был небольшой лес, а если пройти дальше, можно было увидеть маленький деревянный домик. Он был очень простым, доски прогнили и не могли защитить от ветра и дождя, а солнечный свет проникал через щели. Но в этом маленьком и старом домике было всё необходимое.

Двуспальная кровать, две тумбочки и шкаф, в котором висело много одежды, покрытой плесенью и изъеденной молью. У кровати стоял горшок для цветов, в котором уже давно ничего не росло.

— Это я построила, когда мне было около двадцати лет, — сказала А Юнь, не обращая внимания на грязь, и легла на кровать, покрытую пылью. Её взгляд устремился на доски, пропускающие солнечный свет, и она словно вернулась в прошлое.

— В детстве у меня была хорошая семья. Я могла учиться, у меня была новая одежда, и на праздники мы ходили к родственникам. Когда мне было двенадцать, мой отец начал играть в азартные игры. И всё пошло под откос. Он набрал долгов, и когда не смог расплатиться, отдал мою мать в залог.

— Долг в десять тысяч юаней был погашен. Через полгода мама вернулась.

— Я её не узнала. Она сделала химическую завивку, надела красное платье, которое едва прикрывало нижнее бельё и грудь. В ту ночь, когда она вернулась, отец избил её.

А Юнь повернулась к Янь Сюю:

— Скажи, он сам отдал свою жену в залог. Почему он не пошёл бить кредиторов, а избил свою жену?

Янь Сюй промолчал. Он знал, что его слова ничего не изменят. Прошлое осталось в прошлом, но шрамы останутся навсегда.

— Но он понял, что это выгодно. С тех пор он сам стал сводником, приводил людей к нам домой, — взгляд А Юнь стал рассеянным. — В соседней комнате, где я спала, была плохая звукоизоляция. Я не могла заснуть всю ночь, у меня выпадали волосы. Мне было тринадцать. Я

засыпала на уроках, и мои оценки ухудшились.

— Отцовские долги росли, и мама больше не могла их покрывать. В день моего четырнадцатилетия он продал меня старику за восемьсот юаней. — А Юнь сняла свои туфли на высоком каблуке. Её пятки были изуродованы этой обувью.

<http://bllate.org/book/15574/1386942>